

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ АРХИВНЫХЪ КНИГЪ И ДѢЛЪ

КИРИЛЛОВА БѢЛОЕЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Сообщены настоятелемъ Кириллова монастыря

Архимандритомъ Яковомъ,

О литовскихъ набѣгахъ.

Кирилловъ монастырь почитался крѣпкою твердынею во время литовскихъ набѣговъ, выдержалъ десятилѣтнюю осаду и можетъ похвалиться отраженіемъ непріятельскихъ приступовъ и своимъ участіемъ въ отечественной войнѣ. Въ лѣтописи обители записано: въ 1612 году, іюня въ 10 день, Литва выжгла и высѣгла Бѣло-озеро, отстоящее отъ обители только около 30 съ чѣмъ-то верстъ; а въ 20 день августа подходила подъ Кирилловъ монастырь съ Уломской дороги и выжгла гостинной дворъ, конюшенный, швальню, а въ слѣдующемъ, сентября въ 22 день, Литва выжгла Вологду и опять приступила къ монастырю ночью декабря на 5 число; панъ Бобовскій съ Черкасами непремѣнно покушались взять монастырь, потомъ же панъ Песоцкій съ братомъ своимъ, ночью на 11 число, приступали къ монастырю, но были отбиты. По преданію, таборъ черкасскій и литовскій стоялъ во время осады на томъ мѣстѣ, гдѣ одинокій холмъ, на западной сторонѣ Сѣверскаго озера, извѣстный подъ именемъ Золотухи; здѣсь былъ убитъ ядромъ, съ монастырской башни Мережной, непріятельскій воевода. Укрѣп-

* Редація, помѣщая на страницахъ „Древностей“ настоящія Извлеченія, не считаетъ нужнымъ присовокуплять, насколько онѣ любопытны, какъ для археологіи, такъ и для самой исторіи царскаго періода: въ этомъ отношеніи Извлеченія говорятъ сами за себя. Примѣч. Ред.

ленный монастырь могъ дѣйствительно считаться тогда первостепенною твердынею, потому что кромѣ царскихъ стрѣльцовъ вооружалъ онъ и собственныхъ ратниковъ изъ 20,000 своихъ крестьянъ. Жилища для ратныхъ людей помѣщались въ нижнемъ ярусѣ ограды; весь нижній ярусъ состоитъ изъ келлій безъ печей, съ кирпичнымъ помостомъ; иногда по три келліи соединялись между собою, но не болѣе квадратной сажени въ каждой изъ нихъ: такихъ считается до 100 въ большой оградѣ.

О судьбѣ осажденныхъ и монастырской вотчины.

Въ 1615 году билъ челомъ царю Михаилу Феодоровичу Кирилловскій келарь Боголѣпъ съ братією и сказалъ: «пятыи де годъ, да и нынѣ сидятъ въ осадѣ въ Кирилловѣ монастырѣ; и городъ подѣлывали, и острогъ ставили, и рвы копали, и снарядъ и свинець и порохъ покупали монастырскою казною; и въ осадѣ ратныхъ людей содержать и жалованье денежное даютъ; и что де у нихъ въ монастырѣ хлѣба и всякихъ запасовъ, и тѣ де у нихъ запасы, сидячи въ осадѣ, отъ литовскихъ людей и отъ русскихъ воровъ изошли всѣ: братія и всякіе ратные люди изъ монастыря бредутъ розно; безъ хлѣба и жалованья, въ монастырѣ—въ осадѣ сидѣти не хотятъ». По этому поводу дана грамота о невзиманіи пошлинъ съ монастыря Кириллова.

Въ 1617 г. игумень Флавіанъ билъ челомъ тоже царю Михаилу Феодоровичу о томъ, что отъ польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ козаковъ вотчина монастырская запустѣла, что хлѣбъ и всякіе запасы въ прошлыхъ годахъ покупали, деньги займучи, что долгу на нихъ 1345 р.; въ монастырѣ у нихъ денегъ и хлѣба нѣтъ, людей на хлѣбъ много, братства, служежъ, стрѣльцовъ и пушкарей и всякихъ людей 1045 человекъ сидятъ въ осадѣ шестой годъ; сподоблялись своими крестьянишки, наряды, пушки, пищали, и самопалы и всякое ратное строеніе покупають, а ратныхъ людей безъ его указу пустити не смѣють.

О покупкѣ военныхъ снарядовъ.

Въ приходорасходныхъ книгахъ 1605—1616 гг. часто упоминается о покупкѣ военныхъ снарядовъ, напр. въ приходорасходной 1611 года: старецъ Макарій купилъ 4 пищали скорострѣльные, 8 пищалей корабельныхъ, 6 самопаловъ большихъ, 32 ствола самопальныхъ; сковано изъ монастырскаго желѣза 600 трещетогъ, 1000 ядеръ пушечныхъ.

По описи 1668 г. оружейная палата Кириллова мон. заключала въ себѣ до 8500 разнаго рода оружія, начиная съ мѣдной пушки и до простаго кинжала. Каждая пушка и даже пищаль имѣли свое названіе: Порывай, Задоръ, Полканъ и т. п., и пищали прозывались тоже: Левъ, Попугай

и проч. До десяти пудовъ было большаго калибра, въ 80 и болѣе пудовъ, и до 20 средняго, въ 40 и 50 пудъ, которыя разставлены были по сѣнцамъ, а потомъ въ различные времена вытребованы были по городамъ, когда монастырь потерялъ значеніе крѣпости. Одного пороха хранилось въ немъ болѣе 300 пудовъ, ядеръ до 3000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, а пицалей турецкихъ и шведскихъ 350 и столько же карабиновъ, и до 600 пистолетовъ и сабель всякаго размѣра, кромѣ древняго оружія,—собраніе немалое по тогдашнему времени и по самому мѣсту. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по описанію Ист. Россійской іерархіи, считалось тамъ до 10 пудовъ, болѣе 300 ружей и столько же пистолетовъ, бердышей до 100, кольчугъ и пишаковъ по 50. Въ недавнее, мое даже время, любители древностей смотрѣли на рядъ заржавленныхъ пицалей, бердышей, сѣкиръ, развѣшанныхъ кругомъ стѣнъ или поперекъ обширной палаты. Весь этотъ арсеналь пожертвованъ мною въ Новгородскій музей по просьбѣ гражданскаго начальства, съ разрѣшенія Петербургскаго владыки митрополита. Хранятся у воротъ только однѣ пушки монастыря.

Утраты монастыря отъ непріятелей.

Въ описи Кириллова монастыря 1620 года подробно исчисляется утрата монастырскаго имущества. Наприм. въ Твери и Угличѣ погибло монастырскаго соли 34,767 пудовъ отъ Литвы; на Вологдѣ сожгли монастырскаго соли 24,136 пудовъ, да хлѣбныхъ запасовъ на 300 рублей.

Августа 28 пожгли около монастыря монастырскія службы, а въ нихъ запасовъ на 528 рублей, на мельницахъ и въ амбарахъ на 125 р. хлѣбныхъ запасовъ, муки ржаной 700 четвертей, солоду ячнаго 300 четвертей, ржаного 10 четв., овсянаго 300 четв., крупъ 170 четвертей, толокна 195 четв.; всего хлѣба 2140 четвертей. Вымучили у старцевъ въ Псковѣ 208 да 198 рублей; ограбили игумена Матѳея, людей побили, взяли денегъ 211 рублей да лошадей 48; подобныя указанія на убійство монастырскихъ слугъ и отнятіе денегъ многочисленны. И того, сказано въ описи, монастырскаго казны погибло 14,875 рублей, лошадей взято и присѣчено поляками 1015.

Еще: вотчины монастырскія раззорены до основанія поляками и литовскими людьми и русскими ворами козаками, которые и теперь стоятъ въ нихъ, хлѣба же купить негдѣ во всемъ уѣздѣ Бѣлозерскомъ; отъ чего монастырь оскудѣлъ и братія и ратные люди начали расходиться (грам. царя Михаила Феодоровича 1615 года).

О жертвахъ монастыря въ военное время.

Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ продолженіе XVII вѣка, столь смутнаго для нашего отечества, Кириллова обитель

нѣсколько разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами: въ 1638, 1676 и 1679 годахъ и еще однажды 1701 года. Такъ еще Борису Ѳедоровичу Годунову дано 100 лошадей, Василю Ивановичу Шуйскому 100 рублей да 120 четвертей ржи; ему же 16 серебряныхъ сосудовъ, серги яхонтовыя съ жемчугомъ, закладныхъ сосудовъ Ѳерапонтова монастыря серебряныхъ 55. Въ приходорасходной книгѣ 1611 года показано: выдано денегъ для государевой службы 139 рублей, въ другой разъ 8,050 р., въ третій 19,000 р. Въ 1672 г. отдано для стрѣльцовъ 3,587 четвертей ржи и 9,158 четвертей овса, оставшихся отъ монастырскихъ расходовъ (см. подлин. грам. Алекс. Михайлов.)

Въ 1701 г. отдано 7 мѣдныхъ пушекъ и колокольной мѣди 416 пуд. 7 $\frac{1}{2}$ фунт. (см. подл. грам. Петра Великаго).

Изъ книгъ 1608 и 1609 годовъ видно, что отъ здѣшняго монастыря нанимаемы были въ тѣ годы въ государеву службу военные козаки, конные и пѣшіе, которые стояли подъ Тулою и разъѣзжали по московской и кирилловской дорогамъ,—посылаемы были свои монастырскіе слуги для той же цѣли подъ Перемышль, Пошехонье, подъ Бѣлое село, также стояли и на Москвѣ,—что Литвѣ, содержащейся на Бѣлозерѣ, производилось изъ монастыря жалованье, именно въ іюль отпущено туда 20,632 алтына 4 деньги, въ сентябрѣ Остафью Слонскому съ товарищи 148 р. 16 алт. 4 ден.; что монастырь развозилъ на свой счетъ плѣнныхъ пановъ литовскихъ то въ Москву, то въ Новгородъ, посылалъ въ полки нѣмецкимъ людямъ на кормъ туши свинья и говяжьбы, гусей, тетеревей, куриць, ососовъ и яицъ.

Грамотою 1633 года предписывается, по указу царя и отца его великаго государя, святѣйшаго Филарета Никитича, патріарха московскаго и всея Руси, о наборѣ со всѣхъ вотчинныхъ земель духовнаго вѣдомства, на царскую службу, людей прислать въ Москву къ Успенью дню того же года съ вотчинъ Кириллова монастыря монастырскихъ слугъ, съ трехъ сотъ четвертей земли по одному человѣку, добрыхъ конныхъ, съ запасами, въ латахъ и въ шишакахъ и панцырехъ..... со всякимъ ратнымъ боемъ, а лошадибъ подъ ними были добрыя, меньше десяти рублей лошади не было, на годъ, для очищенія Смоленска отъ поляковъ и литовцевъ, послѣ чего они будутъ распущены.

Изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича 1661 г. Кирилловскому архимандриту Аврамію видно, что въ то время вдовы убитыхъ на войнѣ монастырскихъ слугъ получали призрѣніе, по распоряженію правительства, отъ своихъ монастырей, которые производили имъ содержаніе отсыпнымъ хлѣбомъ.

О судьбѣ царственныхъ и другихъ заточенниковъ.

Монастырскія книги и другіе акты доставляютъ свѣдѣніе, что здѣсь, въ Кирилловѣ, находились слѣдующіе заточенники: казанскій царь Симеонъ Бекбулатовичъ, сибирскіе царевичи: Василій Ишимовичъ и Андрей Кучумовичъ.

Грамотою 1644 г. царя Михаила Ѳеодоровича игумену Антонію съ властями предписывается принять въ монастырь сибирскаго царевича Албу Ишимова, содержащагося 9-й годъ въ Бѣлозерской тюрьмѣ и теперь изъявившаго желаніе покинуть свою басурманскую вѣру и быть въ православной Христовой вѣрѣ, и отдать его подъ начало старцу доброму и искусному, который бы испытывалъ его гораздо, прямо ли онъ желаетъ креститься въ православную вѣру и крѣпокъ ли онъ будетъ въ оной, и сами бы его гораздо разсматривали, и, разсмотря, подлинно отписали о томъ къ нему государю къ Москвѣ, а до царскаго указа не крестили.

Другою грамотою того же 1644 г. повелѣвается царевича Албу крестить въ православную вѣру и по крещеніи его почитать и покоить по достоинству, съ извѣщеніемъ, что для крещенія царское жалованье будетъ послано къ нему вскорѣ, а о крещеніи его и имени русскомъ, какое дано ему будетъ, отписать.

Еще грамотою того же года предписывается, чтобы для оглашеннаго къ крещенію сибирскаго царевича Албы, которому христіанское имя наречено Василій, сдѣлали на монастырскую казну кафтанъ камчатный, ферязи тафтенныя, однорядку малиноваго цвѣта изъ сукна добраго англійскаго, съ завязками и петлями золотыми, шапку черную бархатную съ душкою, штаны багряновыя, сапоги сафьянныя, двѣ рубашки шитыя добрыя, двой порты, два пояса шелковые и отдали ему послѣ его крещенія, и о томъ отписали, и покоили бы его нескудною пищею, и почитали съ великою честію по его достоинству, съ увѣдомленіемъ, что жалованье сему царевичу будетъ на Москвѣ, когда онъ увидитъ царскія очи.

Грамотою 1648 г. предписывается о выдачѣ сибирскому царевичу Василью Ишиму, по челобитной его, 30 руб. на платье, такъ какъ онъ не получалъ никакого жалованья, кромѣ выданныхъ ему 30 рублей за крещеніе и еще 30 рубл. на смиренное платье.

Другою грамотою того же года повелѣвается вышеозначеннаго царевича, князя Василья Ишимова отправить въ Москву для явки на царскія очи, на монастырскихъ лошадяхъ съ монастырскимъ запасомъ, и дать ему въ проводники монастырскихъ служекъ, сколько пригоже, чтобы ему до Москвы доѣхать было не позорно и отъ воровъ безстрашно.

Въ казначейскихъ книгахъ 1606 года записано, когда и кѣмъ привезенъ въ Кирилловъ монастырь замѣчательный въ исторіи отечественной своимъ именемъ и тревожною судьбою царь Симеонъ Бекбулатовичъ. «Пріѣзжалъ (отмѣчено въ концѣ марта, число не показано) съ Москвы въ монастырь съ царемъ съ Семіономъ Бекбулатовымъ Евимъ Бутурлинь, да Григорій Обрасцовъ, на молебень дали 5 алтынъ зъ деньгою». Изъ записи въ слѣдующемъ мѣсяцѣ апрѣлѣ видно, что этотъ царь уже постриженъ былъ тогда въ монашество. «Проданы дѣроги червчаты (сказано тамъ), спорокъ съ кафтана съ куня старца Стефана, что въ міру былъ царь Семіонъ Бекбулатовичъ, слугѣ монастырскому Буславу Козлянинову; съ него взято 26 алтынъ».

Въ расходныхъ книгахъ 1621 г. доставляется свѣдѣніе о заточенникѣ—сибирскомъ царевичѣ Андрей Кучумовичѣ. Въ іюнѣ значится въ оныхъ: по государеву указу, царевичъ сибирскій Андрей Кучумовъ отпущенъ къ Москвѣ, на дорогу дано ему 13 алтынъ, 2 деньги.

Изъ казначейскихъ книгъ 1606 года мы узнаемъ, что въ томъ году въ Горницкомъ монастырѣ находились: одна изъ супруговъ царя Грознаго и несчастная царевна, дочь Бориса Годунова, Ксенія. Въ іюнѣ у старца Филарета записано: «приходила изъ Горъ въ монастырь старица царица Парасковья молитца, дала на молебень рубль 16 алтынъ 4 деньги». Въ августѣ того же года: «приходила изъ Горъ въ монастырь старица Ольга Борисова дочь Годунова, на молебень дала рубль денегъ», и далѣе сряду: «да съ ней же приходила игуменья Ѳетиня Межникова, на молебень дала 16 алт. 4 ден.» О хожденіи сюда на богомолье царицы Парасковьи еще нѣсколько разъ упоминается въ томъ же году и въ слѣдующихъ годахъ, но ни разу не замѣчено, чтобы она была здѣсь съ кѣмъ нибудь, какъ объ Ольгѣ Годуновой, которая и отпущена была сюда только однажды.

Изъ расходныхъ книгъ 1606 г. мы получаемъ свѣдѣніе, когда несчастная царевна Ольга Годунова освобождена изъ здѣшняго Горницкаго монастыря, куда она сослана была самозванцемъ вскорѣ по прибытіи его въ Москву. Въ тѣхъ же книгахъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ значится: «деревни Звозу Карпъ Ивановъ, да Ѳедоръ Сивковъ провожали въ суднѣ старицу Ольгу Борисову дочь Годунова до Рыбные, дано имъ найму 16 алтынъ 4 деньги».

Изъ вкладныхъ книгъ 1603 г. видно, что для старицкой княгини Евфросиніи Горницкая обитель была мѣстомъ заточенія, отколѣ она посѣщала Кирилловъ монастырь и осыпала своими благодѣяніями. Здѣсь вкладъ означенъ обще съ другими подобными. «Княгиня инока Евдокія дала 20 образовъ..... у десяти образовъ пелены шиты серебромъ и золотомъ, а на пеленахъ кресты и образы шиты, да чарку серебряну 10 рублевъ». Замѣчательно, что княгиня Евфросинія готови-

ла могилу себѣ въ здѣшнемъ Кирилловомъ монастырѣ, какъ видно это изъ сказаннаго сряду за симъ вкладомъ: «и Богъ пошлетъ по душу по княгинину, и тѣ образы поставити у гроба княгинина, а чарку на панихиды на гробъ ставити»; но желаніе ея не сбылось: царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ утопить ее вмѣстѣ съ племянницею ея Іуліаніею, въ иночествѣ Александрю, въ рѣкѣ Шекснѣ, и похоронить ихъ въ Горицкомъ монастырѣ, въ которомъ онѣ жили. Въ Горицы сосланы еще: четвертая супруга царя Грознаго, Анна Алексѣевна, въ иночествѣ Дарія, и невѣстка его, супруга втораго сына его Ивана, Пелагія Михайловна, въ иночествѣ Параскева; еще—супруга царевича Михаила Канбулича, дочь Ивана Васильевича (въ монашествѣ Іоны) большаго Шереметева, которая и погребена въ здѣшнемъ монастырѣ возлѣ отца своего.

Такія любопытныя записи Коммиссія встрѣчала при чтеніи приходо-расходныхъ книгъ 1606 года и обиходн. келар. начала XVII ст. въ 4-ю д. л. Онѣ проливаютъ свѣтъ на судьбу сихъ царственныхъ лицъ и знаменитыхъ особъ отечественныхъ.

Любопытны записи въ обиходникѣ келарскомъ:

а) «На Владычны праздники посылають кормъ въ Горы (въ Горицкій монастырь) царицѣ старицѣ Дарьѣ (супругѣ Грознаго)... звѣно щучины, звѣно семжины, звѣно лещевины, а звѣна имати большія красныя; а не будетъ тоя рыбы, ино иною рыбою наполняти; чаша квасу патошнаго, чашу квасу медвянаго». Царицѣ старицѣ Парасковѣ (также супругѣ Грознаго, имѣвшей одинаковую участь съ Дарьею) и Конбалинѣ княгинѣ старицѣ Агафѣ корму посылать тоже.

б) «Заговѣнье, великой постъ, посылають въ Горы хлѣбъ и росолъ и капусту: царицѣ Дарьѣ 4 кошни капусты, 2 части росолу, царицѣ старицѣ Парасковѣ, да Конбулинѣ княгинѣ старицѣ Агафѣ тоже».

в) «Да въ Горы отпускають годоваго запаса: княгинѣ старицѣ Агафѣ, и что она дала въ домъ Пречистой Богородицы и Чудотворцу Кириллу два села своихъ з деревнями..... и за то ей давати на годъ на еѣ обиходъ: 30 четв. ржи, да 30 четв. орса, да 10 четв. солоду ячнаго... масла краснаго 4 пуда, соли 6 пудъ, 4 осетры, 3 пуда семги, 4 пуда патоки, да 14 гривенокъ (фунтовъ) воску, 2 гривенки ладону, 2 гривенки перцу, 2 гривенки брынцу, 2 пуда икры, четверникъ осминной маку, 6 рублевъ денегъ, 4 сажени дровъ полѣнныхъ. А старицѣ..... давати платье брацкое, а какъ то платье издержитъ, ино давати платье новое, а ветхое платье взяти въ казну. А Богъ пошлетъ по душу княгинину, и намъ еѣ имя написати въ оба сенаника (синодика) безъ выкладки, а на преставленіе княгинино кормъ давати покамѣсть и монастырь-стоитъ».

Кирилловъ монастырь служилъ мѣстомъ заточенія многихъ именитыхъ

и государственныхъ людей, каковы: Воротынскіе, Шереметевы и знаменитый совѣтникъ Іоанна Сильвестръ, князь Шуйскій при Годуновѣ и Черкасскій съ семьею Романовыхъ. Здѣсь содержался и отецъ царицы Ксении Кирилловны, дѣдъ Петра великаго, неволею постриженный подъ именемъ Кипріана въ смутную эпоху стрѣльцкихъ мятежей. Здѣсь, какъ видно изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича за 1648 г., укрывался царскій своякъ, бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ во время стрѣлецкаго бунта. Государь весьма много заботился о сохраненіи его отъ угрожавшей опасности. Начало этого важнаго историческаго акта, къ сожалѣнію, утрачено; то, что сохранилось въ ономъ, выписывается здѣсь отъ слова до слова: «и вы бѣ боярину нашему Борису Ивановичу Морозову дали кельи добрыя, и что ему на его обиходъ изъ монастыря надобно, и вы бѣ ему велѣли давать, а что учнетъ про себя и сверхъ монастырскаго держать, и вы бѣ ему того не забороняли и тѣсноты ему никакой не чинили, и къ церкви ходитъ велѣли и отъ всякаго дурна оберегали; а которые объ немъ учнутъ къ вамъ наши грамоты приходитъ, и вы бѣ ему грамоты и печать казали; а у грамотъ будетъ наша царская рука, а онъ бояринъ нашу царскую руку и печать знаетъ, а безъ нашея царскія руки никакимъ грамотамъ не вѣрили; вамъ бы богомольцомъ нашимъ того оберегать накрѣпко, чтобъ надъ бояриномъ нашимъ надъ Борисомъ Ивановичемъ заводомъ и засылкою и затѣйнымъ умысломъ никто никакова дурна не учинилъ, а буде вашпмъ небреженіемъ (оплошностью) надъ бояриномъ нашимъ надъ Борисомъ Ивановичемъ какое дурно учинитца, и вамъ отъ насъ за то быть въ великой опалѣ и въ ссылкѣ. Писана грамота на Москвѣ 7156 іюня въ 11 день». Обѣщанныхъ здѣсь царскихъ грамотъ и никакихъ другихъ актовъ, относящихся до пребыванія сего вельможи, въ архивѣ здѣшнемъ не открыто; упоминается только въ перечневой выпискѣ 1648 г. ризничныхъ книгъ, что даны ему изъ ризницы въ келью: Евангеліе печатное въ лпстѣ, въ черномъ бархатѣ, съ серебряными позолоченными евангелистами и застежками, епитрахиль изъ золотого бархату, поручи изъ камисеп черватою и на Евангеліе пелена изъ зеленой тафты, шитая золотомъ и серебромъ,—изъ чего заключать надобно, что у него при кельѣ былъ свой домовый священникъ, подобно тому какъ въ послѣдствіи времени поступившій въ здѣшній монастырь въ 1650 году и постригшійся въ ономъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ имѣлъ при себѣ своего крестоваго священника (приходорасх. книги 1650 г., мѣсяць февраль). Еще дважды упомянуто о Морозовѣ въ приходорасх. книгахъ 1643-1648 г., гдѣ записано, что онъ сряду по пріѣздѣ въ монастырь далъ въ оный вкладомъ 150 рубл. и вскорѣ на столъ братіи 14 рублей 32 алтына.

Сюда, въ Кирилловъ, былъ сосланъ и патріархъ Никонъ, который

провелъ здѣсь, послѣ десятилѣтняго заключенія въ Терапонтовѣ монастырѣ, еще пять тяжкихъ лѣтъ (своего затвора). Въ житіи, написанномъ его ученикомъ Иваномъ Шушериннымъ, сказано, что святитель терпѣлъ въ Кирилловѣ монастырѣ великія нужды и озлобленія, не менѣе прежняго, что терпѣлъ въ Терапонтовѣ; въ келліи же пребысть неисходно, кромѣ церковныя службы; слѣдов., онъ выходилъ въ часы Богослуженія въ ближайшую церковь св. Евѣимія Великаго; это бывшая больничная церковь, сооруженная невѣдомо кѣмъ въ 1653 году. Палатка съ боку была его моленною, гдѣ онъ могъ служить службу отдѣльно отъ другихъ. Бывшій смежный корпусъ училищный съ церковью и больничнымъ корпусомъ, безъ всякаго сомнѣнія, были тѣ самыя кельи, которыя занималъ патриархъ. Мѣстность ихъ съ точностью опредѣляется въ донесеніи Кирилловскаго архимандрита Никиты патриарху Іоакиму по тому случаю, когда велѣно было устроить особую кухню для бывшаго патриарха, чтобы избавить его отъ головной боли, происходившей отъ постоянного угара.

Въ патриаршей грамотѣ 1676 г. сказано, что вѣдомо сдѣлалось ему, святѣйшему патриарху Іоакиму, что въ Кирилловѣ монастырѣ въ кельяхъ, гдѣ велѣно жить монаху Никону, печи кирпичныя, и бываетъ отъ нихъ угаръ,—предписано вмѣсто кирпичныхъ печей сдѣлать въ тѣхъ кельяхъ образчатыя цѣпниныя, чтобы угару отнюдь не было, да позади оныхъ келій, гдѣ пристойно, вблизи, высмотря съ нимъ, Никономъ, построить для него особую каменную поварню, и если будетъ тутъ какое-нибудь строеніе ненужное, то оное отставить и кельямъ его и всему старому и новому строенію прислать чертежъ. Въ отпискѣ своей архимандритъ Никита съ братіею доносятъ: «По твоему, государь, святительскому указу у монаха Никона печь образчатую цѣпниную въ келліи построили, и стѣны подновили и подволоку вновь и окна красныя, по его Никоновой потребѣ, и изъ келліи другія двери въ застѣнне и отъ тѣхъ дверей переходы въ вышку сдѣлали, какъ ему угодно; а особыя, государь, каменные поварни близъ его келліи никоними дѣлы построить невозможно, для того что въ одну сторону отъ келліи его Никоновой до каменныхъ больницъ четыре сажени, и по тому мѣсту во весь монастырь позади келліи дрова возять, и какъ, государь, на то мѣсто поварню поставитъ,—и у больницы свѣтъ заставить и съ дровами проѣзду за келліи не будетъ; а отъ лѣтнихъ, государь, его Никоновыхъ жителей до городовыя стѣны двѣ сажени, и на то мѣсто дрова ставятъ и ставить негдѣ, а есть, государь, подлѣ его Никоновыхъ келлій въ томъ же ряду келлія братская, и буде, государь, изволишь, мочно въ той келліи ему монаху Никону поварню учинить, и надъ печью и очагомъ, гдѣ ѣсть варить, сдѣлать кожухъ большой и трубы вывестъ выше деревяннаго строенія, а въ келліи помость наслатъ кир-

пичный, а изъ его Никоновыхъ заднихъ сѣней въ тою келлію для ходу только одно прясло забору разобрать, и о томъ что ты, государь, укажешь?» На все испрашиваютъ у патріарха разрѣшенія. Патріархъ Іоакимъ, какъ извѣстно, приказалъ передѣлать дѣла кельи Никоновы, но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ взять у него, Никона, панагію и двѣ печати патріаршія, не отобранныя у него при осужденіи; и на сей разъ мирно отдалъ ихъ Никонъ.

Замѣчательна еще грамота того же 1676 года отъ патріарха Іоакима Өерапонтова монастыря игумену Аванасію и строителю старцу Ісаію съ братією, по челобитію сего послѣдняго, въ которомъ онъ писалъ къ патріарху, что велѣно ему, по указу его и по грамотѣ Симона архіепископа Вологодскаго, быть строителемъ Өерапонтова монастыря, а въ монастырѣ этомъ хлѣбомъ и деньгами скудно отъ мѣстныхъ прибылыхъ расходовъ 1677 г., и братіи чѣмъ питаться невѣдомо, и что въ нынѣшнемъ 1676 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, по указу великаго государя и патріаршему, Чудова монастыря архим. Павелъ, думный дворянинъ Ів. Желябужскій, да дьякъ Семень Румянцевъ описали послѣ Никона монаха въ Өерапонтовомъ монастырѣ всякаго хлѣба ржаного и яроваго, сухаго и молотаго, 480 четвертей, и теперь стоитъ тотъ хлѣбъ запечатанъ, а также описали они и хлѣбъ, посланный монахомъ Никономъ въ пустошь Лещовъ,—и приложилъ къ своей челобитной таковую же игумена Аванасія со всею братією и роспись расходамъ, которые были для Никона монаха и приставовъ его,—коею грамотою патріархъ повелѣваетъ хлѣбъ Никона монаха, посѣянный на монастырской землѣ, и огородныя овощи собрать имъ въ монастырь про себя, а что изъ тѣхъ овощей понадобится монаху Никону, то къ нему посылать небольшое, также и изъ рыбы, которую Никонъ въ свои новоустроенные и въ монастырскіе пруды (сажалъ?), когда будетъ присылать за рыбою, посылать къ нему сколько ему надобно, а про себя ловить имъ рыбу изъ своихъ монастырскихъ прудовъ, кромѣ его Никоновой саженой; о хлѣбѣ, который описанъ и запечатанъ въ амбарахъ, указъ имъ будетъ впредь.

Царь Өеодоръ, съ благословенія патріарха и собора архіереевъ, послалъ своего стольника въ Кирилловъ съ грамотою. Грамотою отъ царя Өеодора Алексѣевича (1679 г.) дается знать Кирилловскому архимандриту Никитѣ, келарю Корнилію и казначею Никифору, что, по указу великаго государя, посланъ изъ Москвы стольникъ Іванъ Артемьевъ Мартухинъ въ Кирилловъ монастырь къ монаху Никону для государева дѣла, и посылается къ нимъ сія грамота для того, чтобы они о томъ великаго государя указѣ вѣдали. Печать, которою грамота была запечатана, утрачена; назади, на склейкѣ, скрѣпа дьяка Өеодора Казанцева.

Посланный возвѣсилъ Никону царскую милость, что благоволилъ государь возвратиться ему въ Воскресенскій монастырь. При этомъ словѣ встопорился болящій съ своего кресла, чтобы воздать подобающую честь царскому лицу, при чтеніи указа, которому едва вѣрили слышавшіе. Начали готовить струги для плаванія, потому что путь лежалъ по рѣкѣ Шекснѣ; съ большимъ трудомъ довели пять верстъ до рѣки въ саняхъ, хотя лѣтомъ, изнемогающаго, который не выносилъ никакого движенія, и тамъ посадивши на стругъ, поплыли по теченію.

Грамотою отъ царя Алексѣя Михайловича (1663 г.) дается знать Кириллова монастыря архимандриту Никитѣ, старцу Матѳею Никифорову и келарю старцу Павлу Ремезову съ братіею, что по опредѣленію собора посланъ къ нимъ въ монастырь подъ начало церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что на Москвѣ въ Барашахъ, попъ Иванъ Оокинъ, за то что онъ, противясь царскому указу и не повинувась освященному собору, по отшествіи съ Москвы Никона патріарха, на эктеніяхъ и многолѣтіяхъ поминалъ имя его, между тѣмъ какъ по государеву указу и по совѣту всего освященнаго собора велѣно было на эктеніяхъ и многолѣтіяхъ молить Бога о святѣйшихъ вселенскихъ патріархахъ, и предписывается держать его, Оокина, подъ крѣпкимъ началомъ, въ цѣпи и въ желѣзахъ, и изъ монастыря отнюдь не отпускать никуда до государева указа. Подъ грамотою прилеена отписка царю властей Кириллова монастыря, что попъ Оокинъ къ нимъ въ монастырь присланъ и подъ начало отдавъ въ цѣпи и желѣзахъ.

Грамотою того же царя и къ тѣмъ же властямъ Кириллова монастыря предписывается по государеву указу вышеозначеннаго по па Ивана Оокина изъ-подъ начала освободить, и котораго мѣсяца и числа онъ будетъ освобожденъ, о томъ отписать къ государю въ Патріаршій приказъ (на оборотѣ, на склейкѣ, скрѣпа дьяка Парѣенія Иванова).

Грамотою царя Алексѣя Михайловича (1663 г.) дается знать Кирилловскому архимандриту Никитѣ, чтобы отправленнаго въ Кирилловъ монастырь съ трубникомъ стольника князя Димитрія Иван. Ромодановскаго, принявъ, держали подъ крѣпкимъ началомъ, и велѣлъ водить его въ церковь, пищу давать ему противу двоихъ, а хмѣльнаго не давать (вина не означена).

Грамотою патріарха Іоакима (1686 г.) предписывается архим. Тимоѳею, чтобы раскольника чернца Θεодосія, присланнаго съ Дону, принявъ въ монастырь и посадилъ въ крѣпкую тюрьму, чернилъ и бумаги ему не давалъ, и не допускалъ къ нему никакихъ людей, кромѣ сторожевыхъ, а буде онъ раскается, то приставилъ къ нему духовнаго отца для исповѣди и причащенія.

Грамотою патриарха Іосифа (1642 г.) игумену Антонію повелѣвается посланныхъ въ Кирилловъ монастырь двухъ колодниковъ: Никольскаго попа Луку—за то, что въ Службеникахъ испортилъ всѣ три службы, и садовника Ягушку Карташа—за то, что постригъ жену свою беременную и за кровосмѣшеніе, держать подъ крѣпкимъ началомъ на цѣпи, въ черныхъ трудахъ; перваго во время службы пускать въ церковь въ ножныхъ желѣзахъ, а послѣдняго приводить къ церкви и держать вмѣстѣ оной на цѣпи, послѣ же службы велѣтъ имъ кланяться въ землю каждому изъ братіи по три раза; въ случаѣ болѣзни, попа Луку исповѣдать и причастить безъ эпитрахили, а Ягушкѣ св. причастія не давать, развѣ при самой смерти, и когда умретъ, погребсти его за монастыремъ.

Замѣчательны грамоты объ архим. Аеонской горы Константиновскаго монастыря Теофанѣ, пріѣхавшемъ въ Россію въ 1663 г. за сборомъ.

а) Вѣдомо учинилось, значитъ, ему государю, что архимандритъ Теофанъ былъ въ Польшѣ и у польскаго короля и пріѣхалъ въ Московское государство, все разсматриваетъ и тайно провѣдываетъ, и потому онъ, государь, повелѣлъ до подлиннаго сыску о немъ сослать его съ тремя старцами при немъ и служкою въ Кирилловъ монастырь; предписывается принять и держать ихъ въ монастырѣ съ великимъ береженьемъ и отнюдь никуда не пускать, подъ опасеніемъ за небреженіе царской опалы, а пищу давать имъ братскую, и велѣтъ имъ ходить въ церковь и утѣшенія имъ большаго не дѣлать.

б) Другою грамотою повелѣвается сказать архимандр. Теофану царское милостивое слово, что онъ посланъ не за опалу, а потому не оскорблялся бы, а тѣшенія ему не чинить и отдавать ему честь по монастырскому чину, но изъ монастыря не выпускать.

в) Далѣе, грамотою повелѣвалось старцевъ, пріѣхавшихъ съ архим. Теофаномъ, черныхъ діаконовъ, Самуила и Палсія, старца Васьяна и служку Ивашку Яковлева, прислать въ Москву съ рухлядью и милостинными деньгами, а самому Теофану велѣно побыть въ Кирилловѣ монастырѣ до указа, пищу давать ему противу двухъ братій; въ отпискѣ, по увѣдомленіи объ отпускѣ черныхъ діаконовъ, присовокупляется, что старецъ Васьянъ туда не поѣхалъ и далъ сказку и роспись монастырской рухляди; въ сказкѣ онъ пишетъ, что тѣ черные діаконы и служка пристали къ нимъ на дорогѣ, когда они ѣхали изъ своего монастыря къ Москвѣ, а онъ, Васьянъ, изъ одного съ архим. Теофаномъ монастыря, и отпущенъ оттуда съ нимъ вмѣстѣ,— и что у него, Васьяна, на рукахъ монастырская казна и милостинныя деньги, и ему безъ арх. Теофана ѣхать къ Москвѣ нельзя.

г) Однако предписано грамотою отъ того же царя и тому же архим. означеннаго старца Васьяна со всею казною и утварью отправить на

Москву; но Кирил. монастыря власти отписали, что арх. Теофанъ ночью бѣжалъ изъ монастыря, спустившись со старой городской стѣны; приложены и допросныя рѣчи старцевъ, которые въ думѣ нимъ были и побѣгъ его вѣдали; затѣмъ письмо арх. Моисея къ боярину князю Ивану Воротынскому, коимъ просить у него заступленія передъ царемъ, чтобы не быть ему въ опалѣ за побѣгъ Теофана, съ помѣтою на отпускъ, что такія же отписки и распросныя рѣчи посланы еще къ князю Никитѣ Одоевскому, окольничему Θεодору Ртищеву и Богдану Хитрово и еще письмо къ строителю Аванасьева монастыря на Москвѣ Авраамію, чтобы попросилъ о томъ же христороубцевъ и вкладчиковъ, которые къ Кириллову монастырю вѣру держать.

д) Вслѣдъ за тѣмъ грамотою предписано, чтобы велѣли искать сбѣжавшаго арх. Теофана, съ прибавленіемъ, что если не отыщутъ, то за небрежіе будетъ имъ указъ; при ней отписка царю властей, что архим. Теофанъ найденъ на устьѣ рѣки Кубены и приведенъ въ монастырь, и что онъ хочетъ сдѣлать надъ собою дурно, или уморить себя голодомъ; затѣмъ допросныя рѣчи крестьянъ, которые поймали Теофана на рѣкѣ Порозовицѣ, отпустили его за то, что онъ далъ имъ 14 рубл.; далѣ собственноручное письмо Теофана къ Кирилловскому старцу Павлу, въ которомъ повѣдаетъ ему свою тайну, что онъ сбѣжалъ по наученію діакона Моисея, который говорилъ ему, якобы онъ слышалъ у архимандрита, что тебѣ-де сидѣть, а тебѣ свободы не будетъ, чего онъ Теофанъ убоился и бѣжалъ, а теперь за сію поганую бесѣду страждетъ въ тяжкихъ желѣзахъ.

е) Грамота отъ того же царя тому же архимандриту и властямъ о томъ, чтобы бережно отправили архим. Теофана въ Соловецкій монастырь, а Васьяна со всеѣмъ имуществомъ на Москву; при ней отписка царю, что архим. Теофанъ будетъ отпущенъ въ Соловецкій монастырь, а келарь старецъ Васьянъ къ Москвѣ уже отправленъ, а затѣмъ роспись утвари и рухляди, отравленной съ Васьяномъ, и той, которую взялъ съ собою архим. Теофанъ, называя ее собственною.

ж) Списокъ съ царской грамоты Соловецкому архимандриту Варее-ломею, чтобы принялъ архим. Теофана подъ начало; за тѣмъ челобитная Теофана, въ коей онъ просить царя взять его къ Москвѣ, гдѣ онъ имѣетъ сказать ему тайное слово.

з) Грамота царская Кирилловскимъ властямъ, чтобы онѣ допросили архим. Теофана, какое за нимъ царское слово, съ присовокупленіемъ, что буде онъ сего слова не скажетъ имъ, то отправить его въ Соловецкій монастырь по прежней грамотѣ; при ней отписка, что Теофанъ тайнаго слова имъ не сказалъ, а далъ за своею рукою письмо, которое они и посылаютъ къ царю; далѣ списокъ съ сего письма, въ коемъ онъ пишетъ, что здѣсь великаго государя слова сказать ему

нельзя, а чтобы онъ велѣлъ взять его къ Москвѣ и дать ему очную ставку съ архимандритомъ Аѳонской горы Павлова монастыря, Іоанникиемъ, да Ватопедова монастыря архим. Лукою и Симоновскаго монастыря съ архимандритомъ Анеимомъ. Наконецъ нѣсколько отписокъ объ отправленіи Теофана въ Соловецкій монастырь; дѣло сіе производилось въ 1664—1666 годахъ.

Грамотою отъ царя Петра Алексѣевича Кирилловскому архимандриту Тимоѳею предписывалось о сосланной въ 1681 г. въ Горичскій монастырь вдовѣ княгинѣ Аннѣ Хилковой, за то что была въ единомыслии съ ворами раскольниками, которые сожжены и сосланы, писала къ нимъ письма и называла ихъ страдальцами, искусно и подлинно провѣдать, каково она имѣетъ ко св. церкви послушаніе, не имѣетъ ли съ раскольниками совѣту и сообщенія, кто у ней духовный отецъ, давно ли была на исповѣди и пр., и отписку о семъ подать въ Стрѣлецкій приказъ (Грамота писана въ 1684 г., бѣжала въ 1685 г.).

Грамотою отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей тому же архимандриту повелѣвалось, чтобы онъ посланнаго съ Москвы въ Кирилловъ монастырь за многое воровство и неистовство Ярославскаго уѣзда, Дворцовой Рыбной Слободы посадскаго человѣка Мишку Ѳедорова Сыроѣжниковъ, заковавъ въ кандалы, держалъ въ земляной тюрьмѣ съ великою крѣпостію и давалъ ему по мѣрѣ хлѣба и воды, чѣмъ бы мало быть сыту, а къ той тюрьмѣ къ нему никого не пропускать и говорить съ нимъ ни о чемъ не велѣлъ (Мишка этотъ черезъ годъ померъ въ тюрьмѣ).

Оставляемъ выписки. Изъ монастырскихъ актовъ не видно, чтобы сажали преступниковъ или плѣнныхъ въ мѣшки: о мѣшкахъ нигдѣ ни слова, а все о тюрьмѣ. Мѣшки—это столбы въ башняхъ во всю высоту ихъ, отъ подъема до крыши, раздѣленные на ярусы,—страшныя темницы, по отзыву Муравьева, если онѣ дѣйствительно когда-либо существовали; но чего не дѣлалось въ средніе темныя вѣка? (О мѣшкахъ нигдѣ ничего не найдешь въ древней Кирилл. письменности.— «Вуде смирить его нельзя, вкинуть его въ тюрьму»).

Р ѣ д к і й у з н и к ѣ .

Грамота царя Михаила Ѳеодоровича Кирил. игумену Ѳеодосію съ братією: по изъясненіи, что въ челобитѣ Курмышскаго уѣзда, села Мурашкина крест. Теренки Васильева, будто бы ему не по одну ночь являлся во снѣ Господь Богъ и Пречистая Богородица на воздухъ и былъ къ нему гласъ отъ Господа и отъ Богоматери о многихъ статьяхъ, по сыску въ Казанскомъ приказѣ, отъ коего докладывано было свѣтѣйшему патріарху Филарету Никитичу, велѣно ему Теренкѣ отказать

и челобитью его не вѣрить, потому что прежде сего и св. Отцамъ во откровеніи тою мѣрою видѣнія не бывало, да изнато, что онъ вралъ, въ умѣ помѣшавшись;—повелѣно послать его подъ начало въ Кирилловъ монастырь; предписывается отдать его въ семь монастырѣхъ подъ крѣпкое начало и смирать поклонами, и велѣтъ ему ходить въ церковь съ начальнымъ старцемъ и молиться, чтобы ему въ умѣ справиться и впредь такъ не врать. Дана 1634 года.

О золотой и серебряной рудѣ.

Отписка Кирил. архим. Никиты дворянину Петру Елисеѣву Моложенинову о томъ, что по присланной имъ въ Кирилловъ монастырь грамотѣ царя Ѳеодора Иоанновича, коею велѣно ему ѣхать въ Двинскій уѣздъ, въ вотчину Кириллова монастыря Либу и на Медвѣжій, для сыску золотой и серебряной руды, и взять въ той волости крестьянъ Анфима Халтурина съ братьями и Пашку Хутина для указыванья тѣхъ мѣстъ, гдѣ они прежде сего брали серебряную руду, онъ, архимандритъ велѣлъ старцу своему на Либѣ отдать ему Моложенинову тѣхъ крестьянъ, для показанія серебряной руды. Писана въ 1580 году.

О замѣчательнѣйшихъ посѣщеніяхъ Кириллова монастыря.

Монастырь Кирилловъ посѣщалъ Иванъ Васильевичъ трижды: въ дѣтствѣ своемъ 1545 г., во второй разъ, по взятіи Казани, съ царицею Анастасією и въ третій разъ въ 1569 году съ царицею Марією и дѣтьми своими, Иваномъ и Ѳеодоромъ.

Изъ расходныхъ книгъ казначея Пимена (за 1568 г.) узнаемъ, что въ здѣшнемъ монастырѣ построены были для царя Ивана Васильевича особыя царскія кельи или дворецъ, съ подѣлками изъ дуба, потому что въ февралѣ мѣсяцѣ между прочимъ записана статья расхода: Ис Семникова (монастырское село въ Пошехонскомъ уѣздѣ) привезли кряжъ дубовой къ царевымъ великаго князя кельямъ на доски; далъ за него гривну. У царя Ивана Васильевича и царевнечей Ивана и Ѳеодора были въ здѣшнемъ монастырѣ у каждого свои особыя кельи. См. Вкладн. книг. 1603 г. въ 4 дол. листа, гдѣ значится подъ 1567 г.: Царь Иоаннъ Васильевичъ далъ 200 рублей на кельи; подъ 1568 г.: Царь.... прислалъ Дѣисусъ с праздники и пророки и велѣлъ поставити въ кельи свои; подъ 1570 г.: Царевичъ Иванъ Ивановичъ далъ образъ Пречистые Богородицы.... а поставити тотъ образъ въ царевичевѣ Ивановѣ кельи, да на кельи далъ 200 рублей; подъ тѣмъ же годомъ: Царевичъ Ѳеодоръ Ивановичъ далъ образъ Пре-

чистые Богородицы... а велѣлъ тотъ образъ поставити въ кельи свои, да пожаловалъ вкладъ 500 да 100 рублевъ на кельи (Отъ одного Ив. Васильевича вклада 24,425 рубл.). Тотъ же царь, въ бытность свою съ супругою своею Маріею и сыновьями Иваномъ и Теодоромъ въ здѣшнемъ монастырѣ, въ 1567 г., ставилъ отъ имени сихъ дѣтей своихъ пудовыя свѣчи у Кириллова гроба (грам. его Вологодск. погребо-ключнику Сабурову, писан. въ 1567 г.). Вкладн. кн. 1602 г.: «Царь государь, в. к. Иванъ Васильевичъ и царица в. к. Анастасія и сынъ ихъ благовѣрный царевичъ Иванъ приложили покровъ на Кирилла чудотворца. А положенъ покровъ на чудотворца на Семень день.» Далѣе, какой готовили для царя Ивана Васильевича столъ въ обители, когда онъ посѣщалъ ее, о семъ говорится въ декабрѣ мѣсяцѣ расходн. книгъ (1568 г.): «къ Государеву прїѣзду купилъ тетеря и рябець, далъ 6 алтынъ безъ деньги.» Изъ сихъ книгъ расходн. видно, что въ то время когда Грозный, покинувъ въ гнѣвѣ столицу и царство, переселился съ опричиною своею въ Александрову слободу и тамъ совершалъ казни надъ жертвами страшнаго суда своего и подозрѣнія, старцы Кирилловскіе весьма часто имѣли сношеніе съ нимъ черезъ посланныхъ своихъ и лично, какъ значитъ въ маѣ мѣсяцѣ: «Ерему Онучина посылали въ великій постъ къ государю въ Слободу, издержалъ на проѣздъ и на перевозъ 15 алтынъ 3 деньги»; въ іюнѣ: «Богдана..... посылали дважды въ Слободу къ государю и онъ издержалъ по рѣкамъ на перевозки и на проѣздъ на пути и въ Слободѣ живучи 19 алтынъ 3 деньгою»; и тамъ же черезъ строку: «старецъ Никодимъ ѣздилъ въ Слободу къ царю государю» и проч.; въ августѣ: «старецъ Дорофей ѣздитъ къ государю съ святой водою о Чудотворцовѣ памяти» и проч.; въ декабрѣ: «игумень Кириллъ, да старцы Никодимъ да Меркурій ѣздили къ царю государю въ Александрову Слободу и къ Москвѣ, издержали во всякомъ мелкомъ расходѣ по 4 рубля и 4 деньги». Въ тѣхъ же книгахъ можно видѣть, какъ много требовалось тогда для здѣшней обители съѣстныхъ припасовъ и какъ дешевы были оныя: напр. икры черной куплено 49 пудовъ, дано 11 рубл. 10 алт.; 100 осетровъ длинныхъ, дано 16 рублевъ; 964 стерл, 22 линия, 36 щукъ, да 500 подлещиковъ, за всю рыбу 6 рубл. 27 алт. 5 ден.

Построенныя царемъ Ив. Васильевичемъ для себя кельи еще существовали въ 1667 г. и поддерживались поправкою. Въ расходн. книгахъ въ ноябрѣ значитъ: «Плотникъ Ягуня съ товарищи дѣлали въ царскихъ заднихъ кельяхъ нутро, дано имъ найму рубль 26 алт. 4 деньги».

Опускаются краткія замѣтки о другихъ посѣщеніяхъ.

О землетрясеніи 4 августа 1550 г.

Въ сборникѣ 1551 года, писанномъ въ Соловецкомъ монастырѣ, при игуменѣ св. Филиппѣ (впослѣдствіи митрополитѣ Московскомъ),

на послѣднемъ листѣ записано бывшее въ 1550 г. 4 августа рѣдкое на сѣверѣ физическое явленіе—землетрясеніе на берегахъ Бѣлаго моря, въ трехъ погостахъ: Керети, Ковдѣ, Кандалашкѣ, до Умбы рѣки, верстѣ на 300 по берегу моря, а въ гору неизвѣстно насколько; а были на рѣкахъ жемчужники, замѣчено далѣе, отъ моря за 60 верстѣ, и они скажутъ, въ сей-отъ день и въ то время и у нихъ земля тряслася и лѣсы и горы высокія съ часъ времени.

О присылкѣ въ Москву монастырскихъ каменьщиковъ и кирпичниковъ.

Грамота отъ царя Алексѣя Михайловича игумену Антонію (1647 г.) о томъ, чтобы онъ прислалъ на Москву монастырскихъ каменьщиковъ и кирпичниковъ, которые и прежде государево каменное дѣло дѣлывали, первыхъ ко дню Благовѣщенія, а послѣднихъ на Егорьевъ день, для церковныхъ и городскихъ дѣлъ на Москвѣ и для городского дѣла въ Серпуховѣ; подъ грамотою означены имена тѣхъ и другихъ, всего числомъ 40 человекъ.

О грабежахъ на дорогахъ.

Кириллова монастыря старецъ Іосифъ, строитель Аеанасьева монастыря въ Москвѣ, приносилъ жалобу царю Борису Годунову на то, что сосланный въ царской опалѣ въ монастырь на Каменное ученикъ Леваида донской козакъ старецъ Данило съ Каменнаго бѣжалъ, былъ въ Ниловой пустыни, и оттуда съѣхалъ въ Никицкій, а тотъ де Никицкій монастырь блиско готъ Дѣвича монастыря, что онъ Данило похваляется на Кирилловъ монастырь всякимъ воровствомъ, что нынѣ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ и подъ монастыремъ ходятъ разбойники станицами, многихъ грабятъ и убиваютъ, и что старцы Кириллова монастыря чаютъ на томъ разбоѣ и старца Данилу.

Книги сундучныя 1615 года сообщаютъ намъ свѣдѣнія, какъ въ то время были опасны у насъ дороги отъ грабежей и что въ предшествовавшемъ году казаки ограбили здѣшняго игумена Матеея и съ нимъ 10 человекъ слугъ, а въ 1615 г. монастырской обозъ съ товарами. Объ этомъ записано: «Въ прошломъ 1614 году игумень Матеей, ѣдучи къ Москвѣ съ Чудотворцевою святынею, взялъ у старца Митрофана 147 рублевъ 6 алтынъ 4 деньги. И на игумена казаки громили: и тѣ у него деньги казаки взяли». Ниже: «монастырскіе слуги Костянтинъ Денисьевъ да Тимошей Псковитинъ съ товарищи купили на Вологдѣ.... всѣхъ казенныхъ покупокъ на 32 рубли на 15 алтынъ на 5 денегъ, и какъ слуги съ покупками въ монастырь ѣхали и стрѣтились съ казаками.... и тѣ казаки слугъ переграбили до нага, покупку казенную и лошади всѣ поймали».

Здѣсь сказаннаго достаточно для того, чтобы представить, какъ важны и любопытны акты монастыря.

О мѣрахъ къ гасященію эпидеміи.

Замѣчательно, какія мѣры принимаемы были правительствомъ въ 1655 году къ пресѣченію тогдашней эпидеміи въ Россіи и какъ пеклось оно о сохраненіи отъ оной здѣшняго монастыря. Въ книгахъ того года у старца Варлаама въ сентябрѣ мѣсяцѣ записано: «Въ 14 день государя царевича и великаго князя Алексѣя Алексѣевича всея великія и малыя Россіи пріѣзжалъ з грамотою ставной конюхъ Григорій Мпхайловъ, а по той грамотѣ велѣно отъ мороваго повѣтрія засѣкать засѣки и заставы учинить по всѣмъ дорогамъ, чтобы отъ Москвы и изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ въ Кирилловъ монастырь отнюдь никто не проѣзжалъ, ни проходилъ; дано ему въ почесть рубль денегъ». И далѣе: «пріѣзжалъ въ Кирилловъ монастырь изъ Колязина монастыря царицынъ сынъ боярской Дмитрій Красенскій съ колязинскимъ слугою, по грамотѣ государя царевича, обыскивать про моровое повѣтріе, не мрутъ ли люди, и буде мрутъ, кою смертію, съ язвами или безъ язвъ; дали ему въ почесть денегъ 2 рубля».

О подаркахъ.

Въ книгахъ казначея старца Никона въ 1627 году записано, что игуменъ здѣшній Филиппъ, въ поѣздку свою къ Москвѣ съ Чудотворцевою святынею, т. е. со св. водою, былъ съ нею у государя и у святѣйшаго патріарха, также у государынь и у царевича, разносилъ боярамъ и дьякамъ подарки, именно: роздалъ 10 осетровъ, и что онъ былъ приглашенъ отъ государя на именины къ столу, съ каковымъ приглашеніемъ приходилъ къ нему уставщикъ царскій, которому онъ далъ за это въ почесть рубль.

Въ книгахъ 1654 г. между прочимъ значится: «мѣсяца февраля пріѣзжалъ въ Кирилловъ монастырь государевъ жилецъ Козма Петровъ сынъ Козловъ з государскимъ здоровьемъ, что Богъ подаровалъ государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи царевича Алексѣя Алексѣевича, родила государыня царица и великая княгиня Марья Ильична, дано Козмѣ для государскаго величества въ почесть 10 рублевъ».

Замѣтка о Димитріѣ Самозванцѣ.

Въ расходныхъ книгахъ сундучныхъ 1606 года значится 5 декабря, что Димитрій Самозванецъ взялъ изъ здѣшней монастырской казны

на свой сѣходъ 5000 рубл.: «Царь и великій князь, записано тамъ, Димитрій Ивановичъ всея Русіи велѣлъ взяти изъ монастырской казны на свой государевъ царскій обиходъ пять тысячъ рублей. А по деньги приѣзжалъ зъ государевою грамотою Василій Самаринъ, а привезши тѣ деньги къ Москвѣ Василій отдалъ государеву и цареву великаго князя Димитрія Ивановича всея Русіи боярину и дворецкому князю Василью Михайловичу Мосальскому, да дьякомъ Григорью Желябужскому да Василью Нелюбову, въ приказѣ Большаго Дворца».

Въ сентябрѣ 1606 года «игуменъ Селиверстъ и старцы соборные выдали на царское вѣнчаніе и на приходъ государыни и на поставленіе патриарху и бояромъ на новоселье 203 руб. 26 алтынъ 4 деньги.» Это былъ расходъ на самозванца Димитрія, жену его Марину Мнишекъ и грека—патр. Игнатія.

О содержаніи мостовой въ столицѣ.

Расходныя книги 1616 г. поясняютъ, какія мѣры принимало тогдашняго времени правительство къ содержанію въ столицѣ мостовой: «по государеву указу, записано въ оныхъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Кремлѣ городѣ у Никольскихъ воротъ велѣно мостити мосту 15 сажень, и на тотъ мостъ лѣсу куплено 250 бревень.... всего за бревна и за гвозде и плотникомъ отъѣла дано 17 р. 6 алт.»

О построеніи монастырской ограды.

Грамотою (1653 г.) царя Алексѣя Михайловича Кирил. архимандриту Митрофану съ братією предписывалось о томъ, чтобы они велѣли у себя строить городъ каменный (ограду) по образцу Троицкаго Сергіева монастыря, по поводу челобитной его, архимандрита съ братією, въ которой они писали, что присланный къ нимъ по царскому указу изъ Москвы Антонъ Грановскій для постройки новой каменной ограды, сдѣлалъ планъ оной слишкомъ многодѣльный и дорогой и завелъ внутри монастыря земляной валъ и самую стѣну въ вышину 3 сажени; другой валъ передъ городовою стѣною, а за тѣмъ валомъ ровъ въ ширину 9 сажень, а за ровомъ третій валъ въ вышину 1½ сажени, и на томъ третьемъ валу и на внуттреннемъ валу же сдѣлалъ рѣшетки деревянныя, а каменную стѣну завелъ безъ нижнихъ и среднихъ боевъ и назначилъ одинъ только верхній бой, съ внутренняго валу, а имъ, старцамъ, желательно, чтобы велѣно было въ Кирилловѣ монастырѣ новой каменной городъ впредь строить такимъ же образцомъ, какъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ городъ строень.

О везеніи мощей св. Филиппа Митрополита.

Можно еще упомянуть о приходорасходныхъ книгахъ 1652 года, изъ коихъ между прочимъ видно, что мощи св. Филиппа Митрополита Московскаго везены были изъ Соловецкаго монастыря до Ярославля по рѣкѣ Шекснѣ, на суднѣ здѣшняго монастыря, и, можетъ быть, стояли нѣсколько времени въ обители препод. Кирилла. Въ сихъ книгахъ, въ іюль мѣсяцѣ подъ 25 числомъ, записано: «Преосвященный Никонъ митрополитъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, да государевъ бояринъ князь Иванъ Никитичъ Хованскій съ товарищи, ѣдучи изъ Соловецкаго монастыря къ Москвѣ съ мощами св. Филиппа митрополита Московскаго, всея Русіи Чудотворца, взяли монастырское святоводское (т. е. въ которомъ ѣздятъ власти къ Москвѣ со св. водою послѣ праздниковъ монастырскихъ) судно до Ярославля и на томъ суднѣ посланы съ ними монастырскіе работные люди изъ наиму».

Запись историческая изъ исторіи войны съ Турціею Петровскихъ временъ.

Не лишена интереса и слѣдующая записка, писанная на полуосмушкѣ листа, сложенной мелкими складками.

«Запорожскіе козаки были въ промыслу на Черномъ морѣ, и Чернымъ моремъ шли къ Ачакову турецкихъ кораблей множество, изъ того числа тѣ козаки взяли 9 кораблей съ воинскими припасы, девятой со всякими товары, да живьемъ нѣсколько. Іюля 10 Народыкъ Салтанъ и Каѳимской Мардаза Паша, который съ Ногайцами и съ Крымцами подбѣгали подъ московскіе таборы и подъ московскую конницу подъ Азовъ, и зѣло храбро съ поля збиты, котораго гнали десять верстъ и рубили на десяти верстахъ довольно, едва и самъ Народыкъ паша ушелъ; конечножь Народыкъ взять былъ, если не замѣнилъ его розѣхавъ собою Бекъ Мурза, который съ иными татары живьемъ, а изъ нашихъ Божиємъ милосердіемъ никого не убили и въ полонъ не взяли. А къ Москвѣ превезено іюня въ 22 день».

Годъ сихъ военныхъ дѣйствій не означенъ; а вѣроятно происходили оныя въ 1696 году, когда Петръ Великій осаждалъ Азовъ и наконецъ взялъ оный 19 іюля, разбивъ нѣсколько разъ крымскихъ, ногайскихъ и кубанскихъ татаръ, покушавшихся нападать на осаждаемыхъ съ тыла.